

Виссарион Волков

Волковы из деревни Волково

Деревня у ручья Поперечный

В 1840 – 1850-х годах из Кишертской волости из деревни Волково, расположенной на одном из притоков реки Барды (сейчас Березовский район), в окрестности Лысьвы переехали три брата Павел Иванович, Петр Иванович и Иван Иванович Волковы.

Павел Иванович местом жительства выбрал деревню Бабеньши, расположенную на правом берегу речки Березовки в 1,5 – 2 километрах от деревни Паинцы. Петр Иванович и Иван Иванович первоначально построили свои дома на правом берегу речки Березовки около «Первой Красной Глинки». Место это оказалось не удобным, далеко до воды, ключа близко нет. Вскоре они перенесли свои дома на левый берег Березовки вблизи ручья Поперечный в одном километре от речки Березовки.

Вначале в деревне было 3 дома. В двух домах проживали Петр Иванович и Иван Иванович Волковы. В третьем доме - Василий Волков. Новое месторасположение деревни выбрали удачно: юго-восточный склон, с северной стороны деревню прикрывал хвойный лес. В 5-7 метрах протекала речушка с чистой ключевой водой. За дворами располагались поля, недалеко находились деревни Выломово и Лязгино. Поля образовались после выжиги древесного угля для металлургического завода, находившегося в 7-8 км от деревни. Река Березовка была богата рыбой, особенно хариусом, окунем, шукой и мулявой. В окружающих деревню лесах водилось много боровой дичи (рябчик, тетерев, глухарь), а также пушной зверь.

Близость завода определила животноводческое направление развития хозяйства. У каждого хозяина было по 4-6 коров, 2 лошади, до 10 и более овец. Поскотины (выгоны) были рядом. В период «стольпинской реформы» деревенские мужики купили у хозяев завода участок леса около 50 десятин. В этом лесу до революции заготавливали лес для строительства и дрова. Этот участок назывался «куплей».

Зимой крестьяне деревни занимались вывозкой продукции завода по «чугунной дороге». Она проходила через 2-е Карпаты – дер. Веснино – дер. Выломово – Калино и дальше до пристани Усть-Долговская на реке Чусовой, откуда готовая продукция на баржах сплавлялась на Каму и Волгу в города России и даже за границу.

Дед мой Иван Иванович Волков имел пятерых сыновей.

Остался для наследования хозяйства

Мой отец Демид Иванович Волков родился 29 августа 1887 года. Всех своих сыновей дед отправил работать на завод, а нашего отца оставил в деревне для наследования деревенского хозяйства, поэтому образования он не получил. Умел только читать и расписываться. Отец отслужил воинскую службу в Варшаве и в 1911 году вернулся в деревню. Осенью 1911 года отец женился на Лобановой Татьяне Порфирьевне, жившей с родителями около деревни Выломово на хуторе Лобаново. Было маме в то время около 16 лет.

...Моя мать Татьяна Порфирьевна родилась 25 января 1885 года и умерла 28 сентября 1974 года. Родители были очень трудолюбивыми, хорошо вели свое хозяйство. Поля всегда давали хорошие урожаи. Коровы, которых в отдельные годы было по 4 – 5 голов, давали много молока. Одна из них по кличке «Зорька» тагильской породы давала около 30 литров молока в день. На полях был введен семипольный севооборот. Сеялась рожь «Вятка», овес «Золотой дождь». Было несколько гектаров клевера. Благодаря этому наше

хозяйство всегда было обеспечено грубыми кормами, хватало и на продажу. Сеяли вику, горох, сажали турнепс.

В хозяйстве держали быка тагильской породы. Отец ездил за ним зимой в Нижний Тагил. К этому быку на случку приводили своих коров крестьяне из близлежащих деревень. Кроме того, были у нас 2 лошади. К зиме выращивали до 10 овец «романовской породы». Шкуры выделывали в основном сами, часть сдавали в потребкооперацию. Молока производили много и сдавали его на молокозавод, принадлежавший, видимо, тоже потребкооперации. Завод размещался у речки Песьянки. Сдаваемое молоко шло в счет ссуды, которую брали для закупки сельхозтехники. К 1929 году отец имел в хозяйстве все сельхозмашины: молотилку, жатку, сеялку, сеялку для клевера, сенокосилку. Не было трактора, но отец мечтал и о нем.

Часть молока мы продавали у «белых казарм». Были такие двухэтажные дома возле железнодорожной станции «Лысьва». Их снесли в 1971 – 1972 годах при освобождении площади для строительства цеха холодного проката (ЦХП — ЛПЦ-3 - «Полистил»). Летом часто приходилось ездить в город и возить молоко. Моя задача заключалась в том, чтобы открыть ворота при въезде и выезде из деревни. Раньше все деревни были огорожены и на въездах и выездах на дорогах стояли ворота. Это нужно было для того, чтобы скот не забредал на поля.

Ранней весной к нам приходили три-четыре татарина, видимо, из деревень Аитково, Верх-Култыма и других. Они готовили дрова для зимы.

С периодичностью в два года из Кировской (Вятской) губернии приезжал пимокат. Он на всю деревню катал валенки отличного качества.

Помню также, как зимой приходил портной со своей швейной машинкой и шил одежду. Обшивая односельчан, он переходил из дома в дом и таким образом обходил всю деревню.

Когда задремала охрана...

...Гражданская война не обошла стороной и нашу деревню. Когда в 1919 году колчаковцы стали отступать из Лысьвы, они мобилизовали всех крестьян, имевших лошадей, в обоз. Ф.С. Шестаков, М.Г. Михеев, М.Д. Опалев и Д.И. Волков с нагруженными возами отходили под охраной солдат по Кузьинскому тракту в сторону Обманки. За 1-й Обманкой встали на ночевку на одной из полян. Отец сказал соседям, чтобы возы ставили поближе к лесу. Когда наступила ночь и охрана обоза, собравшись у костра, задремала, все деревенские мужики верхом на лошадях скрылись в лесу, оставив на поляне телеги. Несколько ночей они скрывались в «согре». Так называлось место в верховьях речки Поперечной. Когда колчаковцы окончательно оставили Лысьву, мужики поехали на то место, где оставили телеги, и, к счастью, увидели, что они целы, только без груза. Так рассказывал мой отец.

В 1923 – 1925 годах в деревне появилось электричество. Все дома освещались электрическими лампочками. Источником электроэнергии была электростанция в дер. Выломово на базе выломовского пруда и мельницы, принадлежавших крестьянскому обществу. Оборудование для станции приобрели на металлургическом заводе.

Монтаж и наладку электростанции помогали вести инженер Иван Николаевич Шуткин и мастер заводской станции Михаил Петрович Петухов. Обслуживали станцию мельник Александр Кузьмич Сергеев, Андрей Фомич Мехряков, Михаил Савич Мехряков, Николай Маркелович Мехряков. Трое последних дежурили на станции.

К сожалению, электрическим освещением общество пользовалось недолго. Заводская администрация усмотрела некое нарушение в приобретении оборудования электростанции, и в 1926 – 1927 годах оно было снято, и деревни надолго остались без электричества.

Время печь рыбные пироги...

Наши деды и родители исповедовали старообрядческую веру. Все церковные обряды они совершали в часовне, располагавшейся в деревне Лязгино. Сам я был в часовне один раз, как стал что-то помнить, на богослужении в Пасху в 1926 или 1927 году. Престольным праздником нашей деревни был Ильин день. В этот праздник приезжали и приходили все близкие родственники.

В большой комнате ставился общий стол. Готовилось свое пиво, покупались «Зубровка», «Ерофеич», была и водка. Выпивали и хорошо закусывали. Мама пекла очень вкусные рыбные пироги, тушила мясо, делала окрошку, солила грибы. Сладости покупали в городе. Выпив и закусив, любили петь русские песни. Отец наш имел хороший голос.

Сядясь за стол и выходя из-за стола, все крестились. Никто никогда не матерился, ссор и драк не было. Из всех родных, кого помню, курил только один дядя Федор Леонтьевич Оборин из деревни Захарово.

Зимой устраивались посиделки, когда женщины собирались у кого-нибудь в доме с прялками, вязанием или шитьем, пели песни, делились новостями, обсуждали события в деревнях. Ближе к масленице в деревне Выломово старшие ребята делали ледяную катушку с выходом на пруд, в праздничные дни катались на санках. Крестьяне, имевшие хороших лошадей и кошевки, организовывали катание на лошадях. Здесь происходили знакомства ребят с девушками, которые иногда кончались свадьбой.

Свадьбы, как правило, организовывались глубокой осенью и зимой, когда были закончены все сельскохозяйственные работы. Свадьбы справлялись с большим размахом. Кроме родственников на свадьбу приглашались все деревенские жители. Перепадало и нам, «мелюзге», приходившим посмотреть на жениха и невесту. Угощали нас кусочком пирога и конфеткой.

Летом в деревне Выломово около дома лесника проходили гулянья в воскресенье и праздничные дни, которые назывались «полянкой» от слова «поляна» - ровного места с травяным покровом. Под вечер сюда собирались парни и девушки со всех близлежащих деревень. Приходили гармонисты и балалаечники. Под их музыку организовывались пляски и танцы. Танцевали «Польку», «Подиспань» и другие. Здесь всякий парень и девушка могли показать свое искусство и способности. Были и игры в «третий лишний» и другие. Здесь же встречались влюбленные пары. Происходили новые знакомства, показывались обновы. Бывало и такое: в сухой жаркий вечер приходил парень в туфлях с резиновыми калошами: нужно ведь показать обнову.

Здесь случались и драки, но строго соблюдался неписанный закон: лежачего не бьют. Пьяных было очень мало.

На гулянья приходили и молодожены. Старшие со стороны наблюдали за ходом гуляния, а больше всего – за дочерьми смотрели: с кем они дружат и общаются.

Платных организаторов мероприятий не было. Все делалось по инициативе самой молодежи. Были, конечно, и лидеры, как правило, это парни, имевшие свою гармонь или просто более грамотные и сильные.

Отец запомнился вечно работающим

...Весной, как только подсыхали поля и дороги, организовывалась «помощь» по вывозке накопившегося за зиму навоза на поля. Обычно в этой работе участвовали все соседи. Во дворе оставались трое-четверо, которые быстро нагружали навозом телеги, а мы, 8-10-летние мальчишки, везли их в поле. Там был, как правило, один взрослый парень или мужчина. Он быстро разгружал телегу, перевертывая ее на бок, а мы снова мчались за очередной порцией. Таким образом, в течение нескольких дней очищались все скотные дворы в деревне.

Уборка сена и жатва хлебов проводилась самостоятельно силами семьи, родственников и знакомых из города. Иногда для косьбы нанимались татары. Наше хозяйство, как я помню, обходилось без найма, так как имелась своя косилка. Литовкой обрабатывали места, где нельзя было заехать косилкой. Луга и лесные покосы весной и осенью очищались от пней и кочек, чтобы не сломалась косилка.

...Нас очень рано приучали к труду, например, меня в 6 лет уже заставляли боронить. Отец привязывал меня к седлу, чтобы я не упал, и мне нужно было ездить с бороной, управляя при этом лошадь. Помню, однажды нужно было боронить поле в три следа, а я решил для ускорения боронить в два следа. Когда закончил, подъехал к отцу. Он в это время рядом пахал другой загон. Конечно, он сразу же разоблачил мой обман, и пришлось мне, но уже поперек поля, проборонить еще один раз.

Обжинать поле для жатки я начал в 8-9 лет, а в 10 лет уже самостоятельно косил. Для этого была у нас маленькая коса. Вязал снопы после жатки, ставил их с братом Семеном в бабки.

Когда косили клевера, а они у нас были хорошие и сена всегда ставили много, в нашу с Семеном задачу входила обязанность подвозить копны к стогу, а также топтать и вершить его. Кроме клеверов косили и луговое сено на берегу реки Березовки (пабереги) и на лесных полянах. Сколько помню, сена всегда хватало для прокорма большого стада, оставалось и на продажу. В сеноуборку иногда помогали жители города Анатолий Васильевич Ваганов и Вася Ветлужских. За это отец отвозил им сено. В городе они держали своих коров.

... Мой отец запомнился мне вечно работающим, куда-то спешащим. К детям он относился хорошо. Не помню, чтобы когда-то сильно наказывал нас. Он не курил, выпивал в меру и только по праздникам. В праздники любил попеть. Не помню его ссор с мамой. Отец был верующим, но не фанатично, а, по-моему, больше оттого, что этого требовала окружающая жизнь. Он не избегал нововведений в хозяйстве. Выписывал газеты и журнал, что в то время в деревне было редкостью. Не зря однажды Фрол Семенович Шестаков сказал ему: «Ты бы, Демид, лучше на эти деньги купил себе штаны».

Нужно сказать, что по тем временам мы одевались неплохо. Отец имел хороший выходной шевиотовый костюм, была у всех добротная обувь и одежда. Конечно, излишеств в такой большой семье не было.

Обстановка в доме была простая: три стола, венские стулья, табуретки, в столовой вдоль стен – скамейки. В передних углах иконы, две железных кровати, полати, большая глинобитная печь и подтопок с вмонтированным большим чугунным котлом для подогрева воды, приготовления поила и корма скоту, кипячения белья при стирке. В чистой комнате стоял шкаф для посуды.

Дворы для скота были большие, амбар с овощной ямой, крытая ограда, конюшни для лошадей, стайка для коров, овчарня, посередине – выгульный двор. Все это находилось под одной крышей. Над дворами большой сеновал, куда заезжали с возом сена на лошади. Для подачи сена скоту над кормушками имелись проемы, закрываемые щитом. В суровую зиму могли выходить для ухода за скотом, одевшись лишь в слегка утепленную одежду – фуфайку. Это облегчало труд: не требовалось таскать сено на большое расстояние, как это делается сейчас на колхозных и совхозных скотных дворах. В общем, в постройке все было продумано и учтено до мелочи.

Летом в теплую погоду спали на сеновале.

Под полом дома находилось большое подполье, где хранилась картошка для зимы, овощи, стоял бочонок с квасом, бочонок с солеными грибами, другие соленья и различное варенье.

Овощная яма в амбаре весной набивалась снегом, где почти до конца лета хранилось мясо и другие скоропортящиеся продукты.

В помещениях для скота даже в зимние морозы **стояла** плюсовая температура за счет перепревшего навоза. К весне навоз выкидывался в выгульный двор и с наступлением сухой погоды вывозился на поля.

За дворами на запад простирались наши поля. Недалеко от дворов, метрах в пятидесяти, находилось гумно, где стояли молотилка с конным приводом, веялка, овин для сушки снопов в сырую погоду. Рядом стоял стог обмолоченной соломы, которая использовалась в качестве подстилки для скота и не экономилась. Навоза требовалось много. Огород не примыкал к дому, а был через улицу. В огороде стояла чистая, «по – белому», баня и размещалась вторая овощная яма, которая после заполнения ее картошкой закрывалась до весны. В ней хранился картофель на семена и для еды летом. Воду для скота брали из речки, иногда из колодца Ф.С. Шестакова. Свой колодец, видимо, выкопать не успели. Метрах в 10-15 от дома под закрытым с южной и западной сторон навесом хранились дрова и сельхозинвентарь, вымытый и смазанный на весь срок хранения.

Расходный запас дров, который пополнялся по мере его использования, был в ограде.

Конец единоличного крестьянского хозяйства

В 1929 году я пошел учиться в 1-й класс Выломовской школы. После третьего класса меня и брата Семена перевели в Лязгинскую семилетнюю школу, которую в июне 1936 года я закончил. Запомнился директор школы Георгий Иванович Копысов. Его называли лязгинский Макаренко. Он одевался как Макаренко, носил такие же усы, да и дела в школе вел как Макаренко... У школы был свой земельный участок 10 – 12 га, две коровы, лошадь и 10 пчелосемей. Мы, старшие ребята, занимались ведением школьного хозяйства: сами пахали, боронили, сеяли, убирали урожай. Технику для обработки земли давал колхоз имени Ворошилова. Зимой детей кормили бесплатными обедами.

...Осенью 1929 года после больших переживаний и тяжелых раздумий отец вступил в колхоз. наших коров колхозники увели в деревню Выломово в непригодный общий скотный двор. Однако в колхозе отец был недолго. Весной 1930 года в марте или апреле после мартовской статьи Сталина «Головокружение от успехов» он из колхоза вышел. Коров обратно не отдали, лишили близлежащих полей, а в 1931 году отобрали последнюю корову. В то время как раз родился младший брат Михаил. Остались от скота лошадь, овцы да куры. Часть сельскохозяйственной техники осталась в колхозе. Землю для обработки выделили в районе деревни Новиковки. Это в 4-5 км от усадьбы, покосы тоже отобрали.

Налог, которым обложили разоренное хозяйство, платить было нечем. Старшие дети Андрей, Паня и Таня фактически уже жили в городе, и к концу 1935 года отец переехал в Лысьву. Позже наш дом и дворовые постройки продали на слом. Он и по сей день стоит за 15-й школой в Лысьве. Из дворов Н. Федин построил хороший дом с надворными постройками.

В Лысьве первое время несколько месяцев жили у Девятковых, затем сняли небольшой домик на улице Железнодорожной. В конце 1936 года купили домик на углу улиц Кунгурской и Мотовилихинской № 12, так как около дома было свободное пространство, где отец собирался построить новый большой дом.

В начале 1930-х годов отец собирался делать прируб к дому. В «купле» был заготовлен лес, но мечта отца не сбылась. Лес этот потом использовали на строительстве коровника в деревне Выломово.

В городе отец вступил в артель «Ломовик», организованную на кооперативных началах. В конце 1936 года он поступил работать на металлургический завод плотником в

складское хозяйство. Его начальник Александр Александрович Шатов очень хорошо отзывался о его работе, исполнительности и честности. Шатов рассказывал такой случай. В один из оборонных цехов поступило оборудование. Бригада, разбиравшая укупорку, не заметила небольшого ящика, прикрепленного к стенке, и увезла станок в цех. После установки станка на месте не оказалось пульта управления. Станок не мог работать. Многим грозили суд и большие сроки по статье «вредительство». Отец, прибиравший разгрузочную площадку, через несколько дней обнаружил ящик и принес его Шатову. Так было спасено несколько человек от верной тюрьмы.

В те годы среди молодежи большой популярностью пользовалась профессия геолога - разведчика. После окончания 7 классов я подал заявление в Алапаевский геолого-разведочный техникум, выдержал вступительный экзамен, но в это время геолого-разведочное отделение закрыли, и я поступил учиться на отделение фото-топографии. Учился я в основном хорошо. Трудно давался предмет по иностранному языку, поскольку в лязгинской школе его не преподавали. Много и успешно занимался спортом, особенно лыжами. Был чемпионом Алапаевска в гонках на 10 км среди юношей, участвовал в лыжном пробеге Алапаевск – Свердловск. Постоянно не хватало денег, особенно после смерти отца, хотя мама и сестра Таня помогали, как могли, но ведь кроме меня нужно было поднимать на ноги Семена, Дусю и Михаила. Иногда по несколько дней кроме хлеба с чаем ничего не ел. В июне 1940 года успешно защитил диплом на тему «Геодезическое нивелирование»...

6 лет на военной службе

Поработать в поле мне довелось недолго. Осенью 1940 года я был призван на действительную службу в армию и 10 ноября выехал в Иркутскую школу младших военных топографистов. Учился я хорошо, поэтому был награжден значком «Отличник РККА». В марте 1941 года меня направили в Читинскую школу разведки, но я не прошел мандатную комиссию, поскольку брат Андрей находился в лагерях на Колыме, а дядя Кирилл служил у колчаковцев. В начале Великой Отечественной войны я попытался добровольцем пойти на фронт, но командование распорядилось по-своему: несколько месяцев я занимался топографической съемкой государственной границы с Китаем.

В начале декабря 1941 года меня направили в город Абакан, где формировалась 309-ая стрелковая дивизия. Меня направили командиром отделения топо-разведки взвода топо-разведки управления 1-го дивизиона 842-го артиллерийского полка. В первых числах мая 1942 года мы выехали на фронт. Наша дивизия приняла участие в кровопролитных боях под Харьковом, оборонялась на левом берегу Дона, участвовала в Воронежско-Касторской наступательной операции, освобождала город Белгород, в составе 40-й армии сражалась на Курской дуге, форсировала Днепр, вела бои на Букринском плацдарме, отступала, была в окружении, но всякий раз выходила победительницей из всех трудных положений и продолжала движение на Запад.

За это время я был дважды контужен и ранен в ногу. Первую медаль «За боевые заслуги» получил за августовские бои, которые вела наша дивизия в районе Дона у сел Щучье и Переезжее. Вскоре мне присвоили звание младшего лейтенанта. Потом я был награжден орденом Красной Звезды, Отечественной войны II степени, Кутузова II степени и другими. В 1942 году вступил в партию. В начале марта 1944 года нашу дивизию ввели в состав 1-й гвардейской армии, которой командовал генерал – полковник А.А.Гречко.

4 марта началось наступление... Бои были тяжелые, противник часто контратаковал. Только первый дивизион Бабарыкина в одном из боев подбил 16 танков, в том числе 2 «тигра». На подступах к гор. Черткову впервые сам увидел дела бандеровцев. В одном из сел почти полностью ими были вырезаны все поляки: старики, женщины, дети... 1 февраля 1945 года мы вступили на землю Германии в районе местечка Гросс Вертенберг.

Потом форсировали Одер, штурмовали город Бреслау. 28 апреля 1945 года война для меня закончилась. Я снова был контужен разорвавшимся рядом снарядом. В конце июня 1945 года нашу дивизию расформировали. Еще некоторое время я продолжал службу, но в 1946 году демобилизовался и вернулся в Лысьву.

Моя судьба оказалась ко мне благосклонной. Участвуя в боях, я видел, как рядом находившийся со мной человек погибал, а меня пуля или осколок снаряда миновали. Видимо, такова судьба.

После месячного отдыха в Лысьве я собирался уехать в Свердловск, чтобы устроиться на работу по специальности, но неожиданно для себя получил приглашение на работу в проектный отдел металлургического завода. В отделе проработал до 1958 года в должности конструктора транспортной группы, позднее руководителем геодезической группы. Неоднократно избирался председателем профсоюзного комитета и секретарем партийной организации отдела.

В декабре 1958 года меня избрали заместителем председателя горисполкома. По сравнению с предыдущей работой круг обязанностей и ответственность значительно расширились, потому что я вел коммунальное хозяйство, строительство, был председателем административной и жилищной комиссий. Два созыва был депутатом городского Совета. В январе 1963 года по рекомендации и настоянию ГК КПСС меня назначили главным инженером завода ЖБК-6. На новом месте работы построил механизированный растворно-бетонный узел и освоил производство 6-метровых безнапорных труб.

Моя трудовая деятельность в период с 1965 по 1990 годы, то есть до выхода до пенсию, была связана с проектными работами по промышленному, социальному и культурному строительству как в заводе, так и в городе. В частности, с моим участием осуществлялись работы по прокладке каменноложского водопровода, строительство профилактория, подсобного хозяйства, дорог и т.п.

В июне 1990 года я перенес тяжелую операцию и с июля 1990 года не работаю. В связи с ранением и контузиями на фронте в январе 1991 года мне была установлена военная инвалидность 2-й группы.

1997 г.